

ISSN 0002-3221

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН
УЛУТТУК ИЛИМДЕР АКАДЕМИЯСЫНЫН

КАБАРЛАРЫ

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

2015

БИШКЕК

№ 1

«ИЛИМ»

СОДЕРЖАНИЕ

MAZMUNU

CONTENTS

МАТЕМАТИКА И ИНФОРМАТИКА

- КАНЕТОВ Б.Э., ЖАНАКУНОВА М.О. Равномерно факторные отображения обобщенных равномерных пространств..... 6
 Жалпыланган бир калыптуу мейкиндиктердин бир калыптуу фактордук чагылдыруулары
 Uniformly factoring mappings of general uniform space
- ШАРШЕНАЛИЕВ Ж.Ш., ЯНКО Д.В. Модифицированное графическое представление информационных систем 10
 Информациялык системанын модификацияланган көрүнүшү
 Modified graphical representation of informational systems

ХИМИЯ И ХИМИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

- КАСЫМОВА Э.ДЖ., НИЯЗАЛИЕВА А.Н., КЫДРАЛИЕВА К.А., ЖОРОБЕКОВА Ш.Ж.
 Фунгицидные свойства производных гуминовых кислот..... 13
 Гуминалык кычкыптектердин фунгицидтик касиеттери
 Fungicide properties of derivative humic acids
- РЫСКУЛ КЫЗЫ ГУЛЬЗАТ. Оптимизация работы спектральных установок при проведении элементного анализа жидкостей..... 17
 Суюктуктарга элементтик анализ жүргүзүү үчүн спектралдык установкакалды оптималдоо
 Spectral sets working optimization to carry out liquid's elemental analysis
- СЕРИКОВА Л.В. Получение нанокompозитов металлов на основе пектиновых веществ 21
 Пектин заттарынын таасири менен металлдардын нанокompозиттерин алуу
 The obtaining of nanoparticles of metals on the based of pectin substances

ЭКОНОМИКА

- МАДАНБЕКОВ Н.Ж., КИЯЛБАЙ А.А. Теоретические предпосылки интеграционного ранжирования бизнес-процессов придорожного сервис-менеджмента 24
 Жол жээгиндеги тилкелердин тейлөө менеджментиндеги бизнес процесстерин интеграциялык ранжирлөөнүн теориялык алдын алуулары
 Theoretical background of integration ranking of the roadside service management business processes
- МОСКАЛЕНКО О.А. Проблемы развития рынка электронной коммерции в туристической отрасли Кыргызстана..... 30
 Кыргызстандагы туристик багыттагы электрондук ишмердүүлүктүн базардагы өнүгүү көйгөйлөрү
 Problems of development of the market of electronic commerce in tourist branch of Kyrgyzstan
- ОМОРОВ Н.Р. Экономические аспекты интеллектуальной собственности 33
 Интеллектуалдык менчиктин экономикалык аспектиси
 Economic aspects of intellectual property

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- СОРОНКУЛОВ Г.У. «Стамбул гяуры нынче славят...»
«Перл... во многом загадочный»..... 40
«Стамбулду капырлар азыр макташат...»
«The Giaours now praise Istanbul...»
- СЫРДЫБАЕВА Р.М. Ч. Айтматовдун чыгармачылыгындагы көркөм изденүү
ыкмаларынын бөтөнчөлүгү («Ак жаан», «Түнкү сугат») аңгемелеринин мисалында 48
Особенность творческого искания и поиски художественного приема в рассказах
(«Белый дождь», «Ночной полив») Ч Айтматова
- ИСМАИЛОВА А.А. Чыгыш, Батыш акындары жана кыргыз поэзиясы 55
Poets of East and West and kyrgyz poetry
Кыргызская поэзия и поэты Востока и Запада
- КӨЛБАЕВА М. Совет мезгилиндеги айтыштардын өзгөчөлүктөрү 64
Особенности айтышсов советских времен
The features of improvisation in the Soviet period

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- СУЛТАНОВ Э.К. Детские погребения могильника Айгыр-Джал 3
(по результатам раскопок 2014 г.)..... 68
Айгыр-Жал 3 көрүстөнүндөгү жаш балдардын көмүлгөн жайлары (2014 ж. казуу
иштеринин жыйынтыгынын негизинде)
Children's burial from Aygyr-Jal 3 cemetery (the results of excavations 2014)
- ТӨЛӨБАЕВ П.А. Баткен районунун Кара-Булак айылындагы ыйык жана
сыйынуучу жайлары 80
Святые и культовые места с. Кара-Булак Бактенского района
The saints and cult places of Kara-Bulak district Bakten

ГЕОЛОГИЯ

- МЕЙМАНОВА Ж.С. Исследование технологических свойств руд
участков алтынтор и бучук месторождения Солтон-Сары 85
Research of technological properties of ores from «Altyn-tor» and «Buchuk» sites in «Solton-
Sary» gold field
Солтон-Сары кен чыккан жердеги «Алтынтор» жана «Бучук» участогундагы кендердин
технологиялык касиеттерин изилдөө

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

- АСАНАЛИЕВ Т. Порядок осуществления пробационного надзора 89
Пробациялык кеземелдөөнүн аткаруу тартиби
The Procedure of the Probationary Supervision

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК: 821.161.1 (575.2) (04)

«Стамбул гяуры нынче славят...» – «Перл... во многом загадочный»

Г.У. СОРОНКУЛОВ, канд. пед. наук НАН КР

The article analyzes one of the «oriental» poems of A.S. Pushkin's masterpiece, testifies the Great Russian poet «proteanizm». The author of article is convinced that the poem contains a significant imprint East-West diplomatic relations first-third of the 19th century.

Через год после возвращения из путешествия на Кавказ в действующую армию, а именно в октябре 1830 года, Пушкин написал еще одно «восточное» стихотворение. Глубина проникновения русским поэтом в турецкую действительность изображаемого периода здесь столь поразительна, что это дало историку-востоковеду М.С. Лазареву основания предположить: у Пушкина, вероятно, «был турецкий информатор (а может быть, не один), подробно осведомивший его о насущных проблемах тогдашней турецкой жизни»¹.

Однако великий русский поэт, который, по словам Н.В. Гоголя, есть «единственное явление русского духа», во всей полноте воплощающий в себе национальное начало, в то же время был чрезвычайно восприимчив к иным национальным мирам и культурам. Недаром Ф.М. Достоевский в своей «Речи о Пушкине» отметил, что в его творчестве «засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились

их гении». Действительно, Пушкин, как никто другой, умел художественно перевоплотиться в человека иной национальности, говорить как бы от его имени, с предельной достоверностью передавал характерные особенности чужого национального мира. Это дало повод современникам назвать это свойство пушкинского таланта «протеизмом», по аналогии с античным мифическим Протеем – вещим старцем, способным превращаться в любое существо, а Достоевскому – назвать «всемирной отзывчивостью»².

Специалистами это стихотворениеносится к числу безусловных шедевров. Н.И. Черняев, монографически исследуя преимущественно протеизм Пушкина, отмечает, что никакой турецкий поэт «не написал бы ничего более турецкого и более восточного, чем «Стамбул гяуры нынче славят». Каждый стих этого превосходного стихотворения проникнут чисто турецким религиозно-национальным фанатизмом, чисто турецкой гордостью, самоуверенностью, воинствен-

ностью, чувственностью и апатией. Каждый стих этого стихотворения носит отпечаток полусонной важности и неподвижности ума. Здесь уже нет и тени пламенной арабской фантазии: здесь мы имеем дело с духовным миром совсем иного закала, и как бесподобно передал поэт все самые сокровенные помыслы завязанного турка, не тронутого европейской цивилизацией»³.

««Стамбул гяуры нынче славят...» — перл в пушкинском творчестве, еще недостаточно оцененный и во многом загадочный, — писал М.С. Лазарев. — Давно замечено, что гениальное всегда отчасти загадочно»⁴.

О недостаточной проявленности смыслового содержания текста писал и Д.Д. Благой, предполагавший дать «развернутый анализ этого во многом загадочного стихотворения»⁵, но не успевший выполнить свой замысел. Правда, обратив особое внимание на политическую подоплеку второй части произведения, он указал на «странное сближение»: «Бунт янычар произошел ровно через полгода после восстания декабристов — в ночь с 14 на 15 июня 1826 года. Мало того, самый ход этого бунта до поразительного напоминает выступление декабристов на Сенатской площади»⁶.

Относительно недавно к исследованию этого шедевра обратился Д.И. Белкин. В.А. Кошелев отмечает, что ученый «уточнил источники сведений Пушкина о быте турецкой столицы, об обстоятельствах кровавого разгрома янычар (<...>) и предположил, что «Стамбул...» — это начало большой «ориентальной» поэмы, которая не была продолжена потому, что Пушкин познакомился с сочинениями О.И. Сенковского «касательно Востока» (XII, 96) и решил не конкурировать с видным ориенталистом. Предположение это — не более чем гипотеза, весьма слабо аргументированная»⁷.

Стихотворение, о котором идет речь, известно в двух вариантах. Один из них, более поздний, — усеченный, без последних шестнадцати стихов, и вошедший, с изменениями в нескольких строках, в опубликованный прижизненный текст «Путешествия в Арзрум» («Современник», т. 1, 1836 г.). Второй

— полный, именно тот, что написан год спустя после возвращения Пушкина с Кавказской войны (Болдино, осень 1830 г.).

Приведем полный вариант стихотворения:

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.
Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.
Там веры чистый луч потух:
Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.
Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.
Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар —
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслышанный удар.
От Рушука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликаая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На колыях скорчась мертвецы

Оцепенелые чернели.
Алла велик. – Тогда султан
Был духом гнева обуян.

(III, 247 – 248)

В тексте «Путешествия» стихотворению предшествуют слова: «Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество как между Казанью и Москвою. Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу» (VIII, 478).

И само стихотворение, и два предложения, предшествующие ему в тексте «Путешествия в Арзрум», на протяжении уже многих лет привлекают внимание исследователей и комментаторов.

Конечно, основной «видимой» темой здесь является резкий контраст между двумя городами – Стамбулом и Арзрумом.

Но каков художественный смысл, развиваемый Пушкиным в форме этого поэтического противопоставления?

«Правда древнего Востока»

Н.Я. Эйдельман отмечал, что «...в свое время делались попытки сопоставить взгляд Пушкина на бунт янычар с борьбой Петра против стрельцов и оппозиционного боярства»⁸. Далее исследователь указывал: «Некоторые пушкинисты находят связь между «восточным стихотворением» и только что написанной «Моей родословной». Честные, храбрые, дряхлеющие роды оттеснены «новой знатью» – порочными временщиками; мятежи кончаются худо (сравнение соперничества Стамбула с Арзрумом и Москвы с Казанью нарочито неточное: не с Казанью, а с Петербургом!)»⁹.

В подтексте стихотворения такое сопоставление, как очевидно, присутствует.

Но, что также самоочевидно, оно является производным от соотношения более глобального.

Уже в тексте «Путешествия» Пушкин, акцентируя соперничество между Арзрумом и Константинополем (заметьте, не Стамбулом!), имеет в виду соперничество между азиатской и европейской частями государства, а шире – явно между Востоком и Западом.

А в самом начале «сатирической поэмы янычара Амин-Оглу» конфликт Арзрума со Стамбулом «открытым текстом» представлен как столкновение «правды древнего Востока» с пороками «лукавого Запада»:

Стамбул отрекся от пророка:

В нем правду древнего Востока

Лукавый Запад омрачил. (здесь и далее курсивом выделено нами. – 2 с.)

При этом, как убедительно показано исследователями, стихотворение поражает особой объективностью Пушкина при изображении турецкой действительности: он сумел посмотреть на нее не только «взором европейца» (XIII, 160), но также – «изнутри» (Д.И. Белкин)¹⁰.

Такой взгляд, как показывает анализ языка и стиля произведения, обусловил весь ориентальный художественный облик текста: «...сама форма восприятия мира условным автором, воспроизведение его точки зрения <...> мотивирует обращение Пушкина к типичным в его представлении для лирического героя образным, символическим и синтаксическим структурам «Небесной книги» (то есть Корана)» (А.Д. Григорьева)¹¹.

Воссоздавая свой обобщенный образ мусульманского «восточного характера», опираясь на собственный недавний творческий опыт, воплотившийся в «Подражаниях Корану» (1825 г.), Пушкин «вживается в этот характер», в «коранический строй мышления». И стихотворение органично вписывается в замысел «Путешествия», как и примыкающих к нему пушкинских произведений: «...раскрыть живой и достоверный мир Востока во всей подлинности и глубинных человеческих проявлениях»¹².

И в результате возникает удивительный парадоксальный эффект!

При всей суровости картины жизни в «Арзруме нагорном», жизни, подчиненной соблюдению строжайших заповедей Корана, она, неожиданно для читателя, оказывается по-своему эмоционально привлекательной. «Правда древнего Востока», как будничная и даже прямо противопоставляемая

слуху и взору европейца», вдруг начинаются по воле покорять европейца своеобразным поэтическим обаянием. И происходит это потому, что стихотворение Пушкина написано (как заметил Д.Д. Благой) «поразительным даже для него (т.е. для Пушкина) своей пламенной силой, суровой энергией, живым, как булатные восточные клинки, словом...»¹³.

«Лукавый Запад»

Чтобы прояснить оттенки смысла этого стихотворения, целесообразно прежде всего присмотреться к особенностям современной политической ситуации как внутри Турции тех лет, так и вокруг Османской империи.

В специальных работах, посвященных анализу этого шедевра, справедливо в целом утверждается, что в нем автор описывает турецкую действительность после жестокого подавления султаном Махмудом II (1785 – 1839 гг.) янычарского бунта 1826 года.

Но данный комментарий представляется достаточно адекватным только применительно к заключительной, третьей, части стихотворения, начинающейся со слов:

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар.

А ведь произведение, как неоднократно отмечалось исследователями, очень четко делится на три, органически связанные между собой, части. И первые две части позволяют «отодвинуть» время действия стихотворения на добрый десяток лет назад от 15 июня 1826 года, когда произошло восстание янычар.

Приведем свои соображения по этому поводу. Пушкинские строки, а точнее – две первые части стихотворения, на наш взгляд, содержат в себе значительный отпечаток западно-восточных дипломатических отношений тех лет – они являются в определенной степени своеобразным продолжением таких произведений, как «Олегов щит» и «Опять увенчаны мы славой...». Во вступлении

(первые пять строк) под «гяурами», славящими Стамбул, Пушкин, вне всякого сомнения, имеет в виду дипломатические круги Англии, Австрии, Франции, которые уже с конца 1815 года всячески старались помешать России в осуществлении ее военно-политических замыслов в данном регионе¹⁴.

Вторая же, центральная, часть стихотворения, начинающаяся строкой «Стамбул отрекся от пророка...» и завершающаяся словами «Харемы наши молчаливы, Непроницаемы стоят», напоминает содержание патетического воззвания султана Махмуда II (Хатти-шериф, 31 марта 1821 г.) к своему народу в ответ на всераспирающийся пожар греческого восстания. Имея целью оказать в этой экстремальной ситуации воздействие на усиление религиозных страстей турок, оно предписывало им «отказаться от удовольствий общественной жизни, приобрести оружие и лошадей и вернуться к обычаям предков и прежней воинственной жизни турецкого народа»¹⁵. И здесь султан, конечно же, предстает отнюдь не реформатором прозападной ориентации, а, напротив, воинствующим оберегателем священных национально-конфессиональных традиций. Это обращение в свое время имело огромный резонанс в магометанском мире.

Пушкин, по утверждению исследователей обнаруживавший удивительную осведомленность о соседней азиатской державе, именно во время появления хатти-шерифа султана находился в южной ссылке, близ тогдашних северных границ Османской империи. Он внимательно следил за тем, как разворачивались события, хотел принять участие в войне, готовился к ней и даже начал изучать турецкий язык (!).

Кстати, Н.Я. Эйдельман, возможно, предполагал коснуться и затронутой нами темы – о том, что загадочное стихотворение, приписанное Пушкиным поэту-янычару, сопряжено с событиями более широкого исторического диапазона, чем только бунт янычаров и его подавление султаном: «Исследователи <...> удивлялись «странной потребности рассказать публике» о ряде событий турецкой истории»¹⁶.

«Янычар Амин-Оглу» и «Александр, Сергиев сын»?

Чем же объяснить явное стремление Пушкина максимально отождествить себя поэтически с суровым ревнителем консервативной мусульманской старины – и вызвать у читателя невольное любовное влечение своеобразной гармонией «правды древнего Востока»?

Ведь Пушкин, естественно, отнюдь не был фанатичным приверженцем исламского (как, впрочем, и любого другого) экстремального фундаментализма. Не являлся он, как известно, и соратником воинствующих «славянороссов»-шишковистов, страшавших власти опасностью проникновения на Русь крамольных идей как следствия европеизации страны.

Справедливо замечание Н.Я. Эйдельмана о гениальной нравственной, политической, национально-культурной объективности Пушкина-реалиста, которая воплотилась в этом шедевре: «Пушкин умеет взглянуть на Кавказ, Турцию и со стороны победителей, и глазами побежденных; сопоставляет разные формы исторической истины, изучает возможность или невозможность их соединения»¹⁷.

Вместе с тем есть здесь в пушкинской позиции и такие нюансы, которые требуют дополнительного комментария.

Это прежде всего глубочайшее неприятие той свирепой жестокости, какой сопровождалось осуществление реформ, направленных на европеизацию страны, – как в Турции 20-х годов XIX века, так и в России рубежа XVII – XVIII веков. Воссозданная Пушкиным, принявшим обличье «янычара Амин-Оглу», картина чудовищных казней, учиненных в Стамбуле султаном-реформатором, местами дословно совпадает с нарисованной Пушкиным же – и почти в то же время – картиной московской площади, усеянной жертвами участников антипетровского стрелецкого бунта (III, ч. 1, 60; III, ч. 2, 855). Комментаторы второго стихотворения, особенно деталей черновика, приводя варианты текста «Какая ночь! Мороз трескучий...», тут же ссылаются, в сноске, на ту страницу

Большого академического издания, где помещено стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...».

И действительно – достаточно сравнить:

Из картины турецких казней («Стамбул гяуры нынче славят...»)

Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернели.

(III, 248)

Из картины стрелецких казней («Какая ночь! Мороз трескучий...»)

Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...

(III, 60)

А отношение поэта к основателю Петербурга было далеким от одномерности. Причем не только в «Медном всаднике». Оно прослеживается в текстах Пушкина с первых его заметок по истории России и до его последних историографических трудов.

Но остро критические оценки были одной из сторон сложнейшей пушкинской художественной и историко-публицистической характеристики Петра I, его роли в русской и мировой истории. Характеристики, в которой на первый план отчетливо выступало поэтическое утверждение подвига «строителя чудотворного», в Европу прорубившего окно. Но в то же время – образа, далекого от безоговорочной апологетики¹⁸.

Обратимся снова к тексту стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...» и к его творческой истории.

Пушкиным, как автором этого стихотворения (по верному наблюдению Н.Я. Эйдельмана), владела и важнейшая для него идея «милости к падшим». Особенно явственно выражена она, как это часто наблюдается у Пушкина, в черновике. Поэт вкладывает ее в уста того, кого в другом стихотворении («Когда владыка ассирийский...», 1835 г.) он назвал «всевышний царь» (III, 406). Здесь эта идея предстает как священный завет исла-

ма, как одна из заповедей «правды древнего Востока»:

Что рек Алла: —
Гонимого впусти
И скрой бегущих

Меж нами скрылся янычар. (III, 855)

Вспомним, наконец, что Пушкин вовсе не был сторонником безоглядного отказа от старозаветных российских традиций, привычно именовавшихся «азиатскими». Эти традиции символизировались для него в образе «старушки Москвы», родного города, неизменно вызывавшего у поэта чувства не только патриотические, но и ностальгические. Да, для Москвы Казань была Азией, но соперничество между ними давно ушло в прошлое. А для Петербурга Азией была уже сама Москва, и соперничество между ними фактически продолжалось, хотя и не всегда явно.

Как видим, у Пушкина было немало оснований для того, чтобы хоть на время условно-поэтически отождествить себя с вымышленным турецким автором. И возможно, что элементом такого отождествления стал выбор имени для того, кому он собирался приписать эту великолепную стихотворную мистификацию.

Примечательно, однако, что собственно личного имени у выдуманного Пушкиным поэта — нет. Ведь *Амин-Оглу* — не имя, а своего рода аналог русскому отчеству. Означает оно «Сын Амина».

А роль имени здесь, по существу, играет слово-заменитель «янычар».

Это побуждает обратиться к этимологии тех слов, которыми «номинированы» как мифический турецкий поэт, так и его фактический русский создатель.

Янычар можно перевести, приблизительно, как «ратник нового войска». От турецкого *уепі ceri* — «новое войско». Слово *ceri* — согдийского происхождения. Древнейшая форма этого слова сохранилась и в кыргызском языке: *черуу* — «войско», *черик* — «воин, солдат»¹⁹. Кыргызское буквальное

соответствие слову *янычар* могло бы выглядеть как словосочетание *жаңы черик*, то есть «новый воин». Кстати, в Нарынской области Кыргызстана, вдоль границы с Китайской Народной Республикой, доселе — уже многие века — живут кыргызы из рода, носящего имя *черик*.

А какова этимология личного имени А.С. Пушкина?

Александр — имя греческое. Как и *янычар*, состоит из двух частей: первая часть означает «защитник», а вторая — «муж, мужчина». Вместе — «защитник мужей»²⁰. То есть, опять-таки, — «воин»!

Что касается имени *Амин*, то это одно из стариннейших мусульманских почетных прозвищ. Так называли пророка Мухаммеда его сподвижники. Одно из значений этого имени — «хранитель»²¹.

Русское имя *Сергей* — древнеримского происхождения. В православных святцах толкуется как «высокородный, высокий». Когда речь шла об особах духовного сана или о членах царствующей фамилии, имя произносилось по-старинному, с ударением на первом слоге: *Сѣргий* (святой Сѣргий Радонежский; великий князь Сѣргий Николаевич)²².

Семантика имен *Амин* и *Сергей*, таким образом, не совпадает, но их сближает эмоциональный ореол: в обоих случаях имена говорят об особой высокочтимости их носителей.

«Янычар Амин-Оглу» = «Александр, Сѣргиев сын»...

Звучит странно и невероятно?

Но ведь и само стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...» комментаторы находили и «странным», и «загадочным».

А между прочим, войско янычар, как отмечали историки (например, Т.Н. Грановский в «Лекциях по истории Средневековья»), состояло в значительной своей части из молодых людей христианского происхождения. Приведем выдержку из коллективного труда европейских историков: «... у турок есть и такой весомый козырь, как янычары. Этот отборный корпус состоит из пленных юношей, детей христиан, захваченных во

время набегов и прошедших специальную военную подготовку»²³. Лучшие из них отбирались для конной стражи султана.

Пушкин, вероятно, знал обо всем этом. Ведь находясь в Арзруме в 1829 году, он многое узнал о жизни Турции, о ее общественном укладе и, конечно, о ее войске. Во время одного из сражений русско-турецкой войны поэт, как он сам рассказывает, увлеченный общим порывом, поскакал вместе с российским военным отрядом. Памятью об этом эпизоде стал автопортрет Пушкина в бурке, на коне, с пикой наперевес (Его оставило, как мы помним, тягостное зрелище – тело павшего в бою турецкого юноши – VIII, 470). Впоследствии перед глазами поэта висела подаренная ему генералом Паскевичем кривая турецкая (янычарская) сабля (VIII, 482)...

Мог быть в турецком пушкинском псевдониме и некоторый полемический заряд, направленный против О.И. Сенковского, востоковеда и издателя журнала «Библиотека для чтения». Один из шутовских псевдонимов Осипа Ивановича был «Тютюнджи-Оглы» (т.е. «Сын табачника»), явно снижавший представление русского читателя о турецкой культуре. Пушкинский же псевдоним, напротив, был ориентирован на высокий стилистический регистр, в каком выдержано от начала до конца стихотворение, приписываемое «янычару Амин-Оглу».

Все сказанное выше о возможных мотивах выбора Пушкиным турецкого псевдонима является нашим предположением, а некоторое этимологическое соответствие этого псевдонима с именем и отчеством подлинного автора стихов может быть и случайным – но знаменательным – совпадением.

Нелишним будет в этом плане привести и мнение по этому поводу В.А. Кошелева: «Почему «Амин-Оглу»? Больше он нигде в произведении не упоминается, так что внимательный читатель мог заподозрить мистификацию «невооруженным глазом». Образованный читатель мог к тому же догадаться, что условно «восточное» сочетание «Амин-Оглу» – это эквивалент русской фамилии «Аминов». А род русских дворян Аминовых

вел свое начало от того же Ратши, что и род Пушкиных...»²⁴.

Однако не вызывает сомнения та особая роль, которую играет в художественной композиции «Путешествия в Арзрум» преобразование облика рассказчика-путешественника Александра Пушкина в образ турецкого поэта-янычара Амин-Оглу.

Рассмотрение нескольких стихотворений из пушкинского «Кавказского цикла» конца 1820-х – начала 1830-х годов в свете специфики военно-политической ситуации тех лет, во взаимосвязях этих стихотворений между собой и в русле становления художественной концепции Востока в творчестве Пушкина, позволяет подтвердить, развить и наполнить конкретным содержанием вывод названного в начале нашей работы историка М.С. Лазарева: «Если для Гете его «Западно-восточный диван» есть интеллектуальное влечение гения, то для Пушкина кавказско-восточные, в том числе турецкие, мотивы есть выражение его внутренней духовной сущности»²⁵.

Литература

1. Лазарев М.С. «Да, азиаты мы...» – Предисловие к кн.: Эйдельман Н.Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). – М.: Наука, 1990. – С. 12.
2. См.: Каланович София а – sult – h.likejournal.com/1192030.html
3. Черняев Н.И. Критические статьи и заметки о Пушкине. – Харьков, 1900. – С. 3–4. См. в кн. «Пушкин и мир Востока». – М.: Наука, 1999. – С. 158 – 159.
4. Лазарев М.С. Указ. труд, с. 11.
5. Благой Д.Д. Указ. соч., с. 522.
6. Благой Д.Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. – 2-е изд. – М., 1931. – С. 196.
7. Кошелев В.А. Историческая оппозиция «Запад – Восток» в творческом сознании Пушкина. – В кн.: «Пушкин и мир Востока». – М.: Наука, 1999. – С. 159.
8. Эйдельман Н.Я. Указ. соч., с. 200.
9. Там же. С. 11.
10. Белкин Д.И. О комментариях к стихам «Стамбул гяуры нынче славят...». – Болдинские

- чтения: 1982. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. – С. 123–124.
11. Григорьева А.Д. Язык лирики Пушкина 30-х годов. – В кн.: Григорьева А.Д., Иванов Н.Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин, Некрасов. – М.: Наука, 1981. – С. 106.
 12. Тартаковская Л.А. Путешествие в Арзрум: Художественное исследование Востока. – В кн.: Творчество Пушкина и зарубежный Восток // Сб. ст. под ред. Е.П. Чельшева. – М.: Наука, 1991. – С. 145–146.
 13. Благой Д.Д. Указ. соч. – С. 522.
 14. Дебидур А. Дипломатическая история Европы: Священный союз от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). В 2-х т. – Пер. с франц. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – Т. 1. – С. 442.
 15. Там же. – С. 205.
 16. Эйдельман Н.Я. Указ. соч. – С. 200.
 17. Там же. – С. 202.
 18. От односторонности в трактовке пушкинской концепции личности и деятельности Петра I, как и проблемы «европеизма» Пушкина в целом, к сожалению, не свободна яркая, во многом убедительная и привлекательная своим пафосом защита поэта от посягательств на присвоение его наследия палачами «неопочвенничества» работа Владимира Кантора «Петра творенье, или разгадка России» (Вопросы литературы. – 1999. – № 2. – С. 4–59).
 19. См.: Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: «Наука» Каз. ССР, 1976. – С. 437; Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1965. – С. 558–559.
 20. См.: Петровский И.А. Словарь русских личных имен. – М.: Русский язык, 1984. – С. 199.
 21. Гафуров Али. Лев и Кипарис: О восточных именах. – М.: Наука, 1971. – С. 43.
 22. Успенский Лев. Слово о словах. Ты и твоё имя. – Л.: Лениздат, 1962. – С. 625.
 23. Альдебер Ж., Бендер Й., Груша И. и др. История Европы. – Минск: Вышэйшая школа, 1996. – С. 175–176.
 24. Кошелев В.А. Историческая оппозиция «Запад – Восток» в творческом сознании Пушкина. – В кн.: «Пушкин и мир Востока». – М.: Наука, 1999. – С. 167.
 25. Лазарев М.С. Указ. соч. – С. 14.